

Гениальный фельетонист

Редко кто из мировых гениев так высоко ценил журналистику, как Достоевский. Романист стремился стать журналистом, и в этом увлечении были идеальные и утилитарные причины. Одна из них тривиальна: журналистика дает деньги¹. Но Достоевский не был бы Достоевским, если бы не решал в журналистике те же задачи, которые он ставил и решал в искусстве.

Достоевский был незаурядным журналистом. Его наследие является широкий спектр всех жанров — от передовых статей и программных заявлений до текущей хроники и бытовых анекдотов.

У писателя была своя философия и практика журнального дела.

В юности его манила слава фельетониста. Он гордился успехом своего объявления об альманахе «Зубоскал» (1845), которое «надѣлало много шуму», и примерял лавры бальзаковского героя из романа «Утраченные иллюзии»: «...это первое явление такой легкости и такого юмору въ подобнаго рода вещахъ. Мнѣ это напомнило 1-й фельетонъ Lucien de Rubempré» (ср.: Д., XXVIII. Кн. 1, 115–116).

В апреле–июне 1847 года Достоевский пытался стать фельетонистом «Санктпетербургских Вестников». Тогда он разочаровался в газетной работе, но у него возникла оригинальная концепция фельетона, которая во многом определила характер его творчества.

Достоевский считал фельетон «почти главнымъ дѣломъ» в литературе. Эта позиция выражена в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе»: «Ужели фельетонъ есть только перечень животрепещущихъ городскихъ новостей? Кажется бы на все можно взглянуть своимъ собственнымъ взглядомъ, скрѣпить своею собственною мыслию, сказать свое слово, *новое слово*» (Θ. Д., IV, 22). По мнению Достоевского, был пример успешного фельетонного творчества в мировой литературе: «Вольтеръ всю жизнь писалъ только одни фельетоны...» (Θ. Д., IV, 22). Кто из «присяжных» фельетонистов ставил подобные задачи в своем творчестве?

Впрочем, Достоевский и ранее считал фельетон ключевым жанром современной журналистики. 13 сентября 1858 года он внушал

¹ Ср.: «Журналистика даетъ средства наукѣ, потому что даетъ деньги» (Неизданный Достоевский // Литературное наследство. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. Т. 83. М., 1971. С. 127). Сказанное не в меньшей степени относится к искусству: журналистика дает средства и литературе.

брату, решившему издавать «газету»: «Твоя газета, о которой ты мнѣ писалъ, вещь премилая. У меня давно уже вертѣлась въ головѣ мысль о подобномъ изданіи, но только чисто литературной газеты. Главное: литературный фельетонъ, разборы журналовъ, разборы хорошаго и ошибокъ, вражда къ *Кумовству*, такъ теперь распространившемуся, больше энергіи, жару, остроумія, стойкости — вотъ чего теперь надо! Я потому такъ горячо говорю это: что у меня записано и набросано нѣсколько литературныхъ статей въ этомъ родѣ: н<а>прим<ѣръ>, о *Современныхъ поэтахъ*, о *Статистическомъ направленіи литературы*, О бесполезности *направлений* въ искусствѣ, — Статьи, которыя писаны задорно и даже остро, а главное, легко. Но только вотъ что: Неужели ты будешь издавать газету? Въдь это дѣло нелегкое при фабрикахъ-то?» (ср.: Д., XXVIII. Кн. 1, 316).

В письме идетъ речь о газете, в официальныхъ бумагахъ еженедельникъ именовался журналомъ — разночтение не столь принципиальное. Главное, решение Михаила Михайловича было продуманнымъ и окончательнымъ. К этому сроку относятся его хлопоты об изданіи журнала «Время». 31 октября 1858 года разрешение было получено, но только через два года братья смогли воспользоваться им: в июне 1860 года М. Достоевский снова обратился с просьбой о возобновленіи разрешения на изданіе уже не еженедельника, а ежемесячника, изменения были утверждены, и 6 сентября цензура разрешила печатаніе объявленія о подписке на журнал «Время».

Началась новая эпоха в жизни и творчестве Достоевского.

В истории русской журналистики успех «Времени» беспрецедентен. Достоевский заслуженно гордился им: «Успѣхъ журнала былъ неслыханный. Только два журнала имѣли такой успѣхъ съ разу: первоначальная Библиотека для Чтенія и первоначальный Современникъ» (ср.: Д., XXIX. Кн. 1, 177–179).

В журналах «Время» и «Эпоха» было естественно сложившееся распределение обязанностей между братьями. Достоевский писал: «...журналъ Время былъ столько же моимъ дѣломъ, сколько и брата. Редакторами мы были оба» (ср.: Д., XXIX. Кн. 1, 177).

М. Достоевский взялъ на себя заботы по изданію журнала и работѣ с авторами, вел дела с цензурой, редактировалъ статьи некоторыхъ авторов (А. Григорьева, де Пуле, М. Владиславлева и др.). За время своего редакторства он опубликовалъ немного — всего несколько критическихъ и публицистическихъ статей. Но много ли напечаталъ сам Ф. Достоевский во время своего недолгого редакторства «Эпохи» с июля 1864 по мартъ 1865 года? Писатель, который былъ одержимъ творчествомъ, написалъ необычно мало: несколько редакционныхъ

заявлений, объявлений, примечаний, два фельетона и первую часть неоконченной повести «Крокодил». Достоевский объяснял: «Редакторомъ былъ одинъ я, читалъ корректуры, возился съ авторами, съ цензурой, поправлялъ статьи, доставалъ деньги, просиживалъ до шести часовъ утра и спалъ по 5 часовъ въ сутки и хоть ввелъ въ журналъ порядокъ, но уже было поздно» (ср.: Д., XXVIII. Кн. 2, 118). Бремя ответственности и текущая работа по журналу «Эпоха» неизбежно ограничивали личное творчество.

Начиналось же все иначе.

Говоря о своей роли в журнале, Достоевский с полным правом заявлял: «Вѣдь и *Время* Я началъ, а не братъ, я его направлялъ и я редактировалъ» (ср.: Д., XXVIII. Кн. 2, 119).

Достоевский увлеченно исполнял взятые на себя обязанности соредактора журнала. Задача, которую он ставил себе и которую решал вместе с братом, была под силу только ему — создать новое направление в русской общественной жизни.

В «Объявлении об издании журнала» и в «Ряде статей о русской литературе» он дал *идею времени* — идею почвенничества (слияния образованных слоев общества с народом, органического соединения европейского и народного начал в русской истории), определил русскую идею как идею синтеза, как всечеловеческую идею, раскрыл духовное значение русской литературы и ее призвание — узнать Россию, понять народ, принять его правду.

В «Объявлении» Достоевский раскрыл смысл названия журнала: обыграв каламбур, объяснил читателю, «какъ мы понимаемъ наше время». Современность для него — «эпоха въ высшей степени замѣчательная и критическая». Со всей очевидностью перед Россией встали проблемы: «крестьянскій вопросъ», будущий «огромный переворотъ», преодоление исторических последствий реформ Петра I. Достоевский уверен, что есть русский путь решения задач времени («мирно и согласно», «у насъ не будетъ и не должно быть побѣдителей и побѣжденных»). Осознание национальной самобытности неизбежно возлагает на интеллигенцию задачу создать «новую форму» жизни, «нашу собственную, родную, взятую изъ почвы нашей, взятую изъ народнаго духа и изъ народныхъ началъ» (Θ. Д., IV, 9).

Достоевский заявил русскую идею: «Мы предугадываемъ и предугадываемъ съ благоговѣніемъ, что характеръ нашей будущей дѣятельности долженъ быть въ высшей степени общечеловѣческой, что русская идея, можетъ быть, будетъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя съ такимъ упорствомъ, съ такимъ мужествомъ развиваетъ Европа, въ отдѣльныхъ своихъ національностяхъ; что, можетъ-быть, все враждебное въ этихъ идеяхъ найдетъ свое примиреніе и дальнѣйшее развитіе въ русской народности» (Θ. Д., IV, 9). Цель этой дѣятель-

ности — счастье народа; первый шаг на этом пути — «грамотность и образование».

Задиристо, как когда-то в объявлении об издании «Зубоскала», Достоевский критикует журналистику и литературные нравы. Его «Время» заявило себя честным и независимым печатным органом, готовым к спору не ради спора, а ради выяснения истины.

Впоследствии Достоевский учил Н. Страхова: «Вы избѣгаете полемики? Напрасно. Полемика есть чрезвычайно удобный способъ къ разъясненію мысли; У насъ публика слишкомъ любить ее; Всѣ статьи, напримѣръ Бѣлинскаго, имѣли форму полемическую. Притомъ-же въ полемикѣ можно выказать тонъ журнала и заставить его уважать. Притомъ-же Вамъ лично отсутствіе полемическаго приѣма можетъ даже и повредить: У Васъ языкъ и изложеніе несравненно лучше Григорьевскаго. Ясность необычайная; но всегдашнее *спокойствіе* придаетъ Вашимъ статьямъ видъ *отвлеченности*. Надо и поволноваться, надо и хлестнуть иногда, снизойти до самыхъ частныхъ, текущихъ, насущныхъ частныхъ. Это придаетъ появленію статьи видъ самой насущной необходимости и поражаетъ публику» (ср.: Д., XXIX. Кн. 1, 18).

Братья Достоевские жили ощущением грядущего переворота в истории России: «Теперь уже не тысячи, а многіе миллионы русскихъ войдутъ въ русскую жизнь, внесутъ въ нее свои свѣжія непочатыя силы и скажутъ свое новое слово» (Θ. Д., IV, 8).

Позже, представляя через два года программу журнала «Эпоха», М. Достоевский писал: «Направление моего задуманнаго журнала я мог бы назвать русским, если можно было характеризовать так направление. Цель его будет — уяснять читателям те великія силы, которые таятся в русской жизни, которые служат задатками нашего будущаго развитія и блага и к которым так скептически и отрицательно относятся зачастую наша литература и общество»².

Эта программа в полной мере реализована уже в направлении первого журнала братьев Достоевских, в литературной и публицистической деятельности самого Ф. Достоевскаго, и прежде всего — в цикле «Ряд статей о русской литературе».

Во «Введении» Ф. Достоевский ставит проблему самобытности России и русской литературы. Он обращает вниманіе читателя на то, что Россия для Европы — «одна изъ загадокъ Сфинкса», но европейцы фатально не понимают и не желаютъ понять ее тайну, не по-

² Долинин А. С. К цензурной истории первых двух журналов Достоевскаго // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. Л., 1924. С. 571.

нимают ни русскую историю, ни русский народ, ни русский характер, ни русскую литературу.

В России веками складывался особый уклад жизни: «И начало этому порядку положено еще давно, съ незапамятныхъ временъ; оно заложено самой природой въ духъ русскомъ, въ идеалъ народномъ...» (Θ. Д., IV, 418).

Вот ключевые тезисы этого цикла статей:

«...русская нація — необыкновенное явленіе въ исторіи всего человечества» (Θ. Д., IV, 423);

«...въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность, что въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко-синтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности» (Θ. Д., IV, 425).

Этот идеал («великія русскія начала общечеловѣчности и всепримиримости») Россия обрела в лице Пушкина: «Мы поняли въ немъ, что русскій идеалъ — всецѣлость, всепримиримость, всечеловѣчность. Въ явленіи Пушкина уясняется намъ даже будущая наша дѣятельность. Духъ русскій, мысль русская выражались и не въ одномъ Пушкинѣ, но только въ немъ они явились намъ во всей полнотѣ, явились какъ фактъ, законченный и цѣлый...» (Θ. Д., IV, 444).

Эти темы стали вариациями цикла.

Защите искусства от нападков «утилитаристов» посвящена первая статья цикла «Г. —бов и вопрос об искусстве», в которой Достоевский вступает в спор с «властителями дум» нового поколения русской молодежи — критиком Н. Добролюбовым и его учителем Н. Чернышевским, требовавшими от искусства выражения социальных и политических интересов.

Утилитарным концепциям Достоевский противопоставил «первый законъ въ искусствѣ — свободу вдохновенія и творчества» (Θ. Д., IV, 454). Он видит в творчестве органичную потребность человека. Искусство воплощает идеал и выражает его в «согласіи, по возможности полномъ, художественной идеи съ той формой, въ которую она воплощена» (Θ. Д., IV, 458). Искусство верно действительности, если «совпадаетъ своими идеалами съ идеаломъ всеобщимъ и современнымъ». Более того: *«Искусство всегда современно и дѣйствительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать»* (Θ. Д., IV, 482).

Достоевский защищает «искусство для искусства»: «Мы даже думаемъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ способенъ откликаться на историческое и общечеловѣческое, тѣмъ шире его природа, тѣмъ богаче его жизнь и тѣмъ способнѣе такой человѣкъ къ прогрессу и развитію» (Θ. Д., IV, 483).

Не в обиду читателю сказано: «Частный человек не может угадать вполне вѣчнаго, всеобщаго идеала, — будь онъ самъ Шекспиръ, — а слѣдственно не можетъ *предписывать* ни путей, ни цѣли искусству. Гадайте, желайте, доказывайте, подзываютъ за собой, — все это позволительно; но предписывать непозволительно; быть деспотомъ непозволительно...» (Θ. Д., IV, 488).

Особая тема — значение Пушкина в русской литературе.

Нигилизму радикальных утилитаристов («Долой Пушкина!») Достоевский противопоставляет свое давнее, еще времен натуральной школы, убеждение: «Пушкинъ — знамя, точка соединенія всѣхъ жаждущихъ образованія и развитія; потому что онъ наиболѣе художественъ, чѣмъ всѣ наши поэты, слѣдовательно наиболѣе простъ, наиболѣе плѣнительнъ, наиболѣе понятенъ. Тѣмъ-то онъ и народный поэтъ, что всѣмъ понятенъ» (Θ. Д., IV, 488).

Далее, в первой статьѣ «Книжность и грамотность», Достоевский полемически обосновывает свое понимание Пушкина как народного поэта. Он предлагает читателю первый критический очерк, в котором уже проступают пророческіе черты поэта из будущей Пушкинской речи 1880 года. Многое из того, что позже потрясло русское общество, прошло почти незамеченным в анонимных статьях 1861 года, а Достоевский открыл тогда читателю «русскій духъ» «Бориса Годунова», «Евгенія Онегина», «Повестей Белкина», «Песен западных славян»: «...все это Русь и русское» (Θ. Д., IV, 502).

Апеллируя к Пушкину, Достоевскій утверждал: «Настоящее высшее сословіе теперь у насъ — сословіе образованное»; его призваніе состоит в развитіи образованія: «Въ усиленномъ, въ скорѣйшемъ развитіи образованія — вся наша будущность, вся наша самостоятельность, вся сила, единственный, сознательный путь впередъ и, что важнѣе всего, путь мирный, путь согласія, путь къ настоящей силѣ» (Θ. Д., IV, 507). Это убежденіе писателя: «Только образованіемъ можемъ мы завалить и глубокой ровъ, отдѣляющій насъ теперь отъ нашей родной почвы. Грамотность и усиленное распространеніе ея — первый шагъ всякаго образованія» (Θ. Д., IV, 508).

Достоевскій критикует барскіе затеи просвѣщенія народа, предложенные поэтом Н. Щербиной в программѣ журнала для народа «Читальникъ» («Книжность и грамотность. Статья вторая»), спорит со славянофилами о русской литературѣ и русском народѣ («Последніе литературные явленія. Газета „День“»), видит будущее Россіи и русской литературы в развитіи университетов («Вопросъ об университетахъ»). Он доволен, что русская журналистика подняла этот вопрос, что в его обсужденіи можно изменить к лучшему университетское образованіе, что «вопросъ университетскій достигъ

живого, действительного своего значения, и мы этому очень рады. Значить пустило корни, значить живеть!..» (Θ. Д., IV, 596).

Первые книжки «Времени» производят сильное впечатление: это в полном смысле шедевры литературы. Вряд ли в анналах журналистики есть нечто подобное первым двум томам (четырем номерам) «Времени». Стараниями Ф. Достоевского общий труд обрел обычно недостижимые идейное единство и художественную целостность.

Мало кто объясняет, как это получилось.

Самое простое объяснение: многие авторы подражали гениальному редактору. Предположение наивное и недоказуемое. Где, когда, в каком историческом пространстве и времени могло собраться разом столько «Достоевских» — конгениальных Достоевскому людей? Куда они исчезли потом?

Секрет феномена в другом.

Как работал редактор Достоевский, известно из разных источников: из его писем, из воспоминаний Н. Страхова, сотрудников «Времени», «Эпохи», «Гражданина». Высказанные по частным поводам, их суждения остались не востребованными в объяснении необычной эстетической природы первых номеров журнала Достоевских.

Намереваясь издавать журнал, братья продуманно готовились к делу. Они страстно окунулись в общественную жизнь Петербурга: участвовали в литературных кружках, вечерах литературного фонда. Ближе всех по духу был редакционный кружок журнала «Светоч», в котором сотрудничали давние знакомые Достоевских и будущие авторы «Времени». Вокруг братьев Достоевских постепенно возник свой круг литераторов³. Так уже было в 1847–1848 годах, когда молодые авторы «Отечественных Записок» под предводительством Федора Достоевского создали своеобразный литературный клуб, который критик «Современника» П. Анненков ревниво определил «фантастико-сентиментальным» направлением в «Отечественных Записках»⁴. Достоевские понимали, что журнал — это не столько редакционная работа, сколько живое творческое общение авторов.

С сентября 1860 года Достоевские работали над первыми номерами еще неведомого никому журнала: искали авторов, заказывали статьи, читали и редактировали материалы.

Литературная программа «Времени» ограничивала своих авторов лишь высокими требованиями художественности. В отличие от редакций, которые кичились, что они отказали бы и Шекспиру, если

³ Подробнее об этом см.: *Орнатская Т. И.* Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865 гг.) // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 8. Л., 1988. С. 247–262.

⁴ Ср.: *Анненков П.* Русская литература в 1848 году // Современник. 1849. № 1. С. 1–2.

бы тот не подошел им по направлению, Достоевские принимали в журнал все достойные произведения искусства. Литературный отдел журнала представлен именами писателей и поэтов, которые вряд ли могли появиться под одной обложкой в других изданиях.

Иное дело — критический и публицистический отделы. В отличие от литературного они подчеркнута анонимны. Достоевские пытались сделать требование анонимности обязательным условием публикации статей в этих отделах. На это обращал внимание критика де Пуле редактор М. Достоевский: «...у насъ принято не подписываться подъ критическими статьями. Впрочемъ, это можетъ подвергаться иногда и исключеніямъ. Не могу, впрочемъ, умолчать, что Редакціи пріятно бы было, еслибъ вы не требовали для себя этого исключенія»⁵.

Начинающий критик согласился с условием редакции, но это требование обижало А. Григорьева, который подозревал, что редакция стыдится его имени. В конце концов Григорьев настоял на своем праве подписи: многие его статьи подписаны. Н. Страхов пошел на компромисс, варьируя из номера в номер псевдонимы. Убедительнее всего был личный пример: анонимны все критические и публицистические статьи издателя и редактора М. Достоевского и его соредактора Ф. Достоевского.

Во многом это обычная издательская практика. Она раскрыта в полемике с «Современником» по поводу анонимной статьи «Литературная собственность»: «Въ нашей критикѣ мы большею частію относились къ автору «Литературной собственности». Чувствуемъ, что было бы гораздо справедливѣе относиться къ «Современнику», напечатавшему эту статью, потомучто подобнаго рода статьи всегда выражаютъ направленіе журнала, его мысли, его мнѣнія. Такъ-какъ такіа статьи годятся не для всехъ журналовъ, а для одного развѣ, который раздѣляетъ тѣже мысли и взгляды, то авторы такихъ статей отодвигаются на второй планъ и статья становится принадлежностью редакціи журнала, напечатавшего ее. Авторы большею частію и не подписываются подъ подобными статьями» (Вр. 1862. Февраль. С. 44).

Еще жестче подобные требования были в редакции М. Каткова, который объяснял читателям: «Въ передовыхъ же статьяхъ не допускается никакого авторства, никакой мысли кромѣ заданной. Всякая статья имѣющая значеніе пишется не только по мысли, но прямо со словъ издателя, и ни одна статья не проходитъ безъ его провѣрки и переработки, причемъ написанная статья нерѣдко исчезаетъ и на

⁵ К истории журнала «Время»: Неизданные письма М. М. Достоевского к М. Ф. Де-Пуле и Н. С. Милошевичу. Сообщил А. Фомин // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922. С. 508.

полях корректуры появляется новая. Статьи повторительного содержания въ подтвержденіе и развитіе уже установленнаго вопроса, пишутся и безъ предварительныхъ указаній знакомыми съ вопросомъ сотрудниками, но всегда подвергаются провѣркѣ и переработкѣ. Даже въ отсутствіе издателя, редакціонныя статьи посылаются къ нему, и печатаются не иначе какъ по его корректурѣ»⁶.

Как и другие издания, редакция «Времени» держала свое направление известными мерами: критическіе статьи заказывались, авторы читали и обсуждали свои опусы на редакціонныхъ собраніяхъ, редакторы правили чужіе тексты, как свои. Такая практика сложилась постепенно — первые номера являют иную работу с авторами.

Во всех анонимныхъ статьяхъ есть система лейтмотивов, развитие которыхъ проведено в каждом томе с поразительнымъ мастерством — его не достичь случайно, не исполнить по заказу. Кто сочинял эту «симфонию», кто создавал творческую гармонию и дирижировал оркестромъ амбициозныхъ исполнителей? Какъ это удалось?

И здѣсь встаетъ проблема атрибуціи анонимныхъ и псевдонимныхъ статей в журналахъ «Время» и «Эпоха». Эта проблема была осознана уже при подготовкѣ перваго посмертнаго собранія сочиненій писателя, предпринятаго его вдовой А. Достоевской. Тогда она доверилась указаніямъ Н. Страхова, который засвидѣтельствовалъ принадлежность Достоевскому двадцати анонимныхъ статей (пять изъ нихъ были включены в составъ десятаго тома Полнаго собранія сочиненій Достоевскаго, вышедшаго в 1883 году).

Мнѣніе Н. Страхова авторитетно, но его списокъ показалъ ограниченную компетентность и недостаточную осведомленность критика в редакціонныхъ делахъ.

Уже первые самостоятельные разысканія исследователей значительно расширили «текстъ Достоевскаго», и каждое новое текстологическое изученіе его наслѣдія ведетъ къ открытію неизвестныхъ произведеній писателя. Таковы плоды исследовательской работы Л. Гроссмана, О. Шульца, В. Томашевскаго, В. Виноградова, В. Нечаевой, редакторскаго коллектива 30-томнаго Полнаго собранія сочиненій Достоевскаго и др.

6 іюня 1862 года Достоевскій писалъ брату Андрею: «Хоть я и напишѣлъ въ эти два года до ста печатныхъ листовъ, но братъ Миша, взявшій на себя всѣ денежныя и редакціонныя заботы о журналѣ, еще болѣе трудился. И потому не вини его за молчаніе» (ср.: Д., XXVIII. Кн. 2, 24–25). До недавняго времени исследователи считали это признаніе преувеличеннымъ, но уже сейчасъ объемъ уверенно атрибутированныхъ Достоевскому текстовъ составляетъ свыше 90 печат-

ных листов. В гонорарных расчетах по журналу Достоевские были щепетильны. Писатель знал, сколько он заработал в журнале.

В настоящее время установлены авторы большинства неподписанных статей — статей Достоевского и его основных сотрудников. И все же вокруг проблемы атрибуции по-прежнему бушуют амбициозные страсти. История атрибуций нередко предстает не столько реляцией побед, сколько реестром чужих ошибок.

У нас есть возможность примирить давних противников, разрешить старые споры и восстановить подмоченные репутации.

Мы предлагаем методику комплексного изучения анонимного наследия в журналах «Время» и «Эпоха», которая учитывает как традиционные документальные, идейно-тематические и стилистические признаки, так и возможности современных информационных технологий, в частности, результаты статистической обработки формально-грамматических и синтаксических параметров. В отличие от предшественников мы исследуем весь корпус анонимных и ряда подписанных статей в журналах «Время» и «Эпоха», который составляет свыше 250 печатных листов; сравниваем стилистические параметры анонимных текстов с текстами не только Ф. Достоевского, но и других авторов — М. Достоевского, А. Григорьева, Н. Страхова, А. Порецкого, А. Разина, М. Владиславлева; учитываем авторскую орфографию и пунктуацию. Результаты этих исследований будут опубликованы отдельно.

Аргументация предшествующих атрибуций расширена благодаря изысканиям Оскара фон Шульца. В 1924 году он приписал Достоевскому уверенно 7 и предположительно 9 из почти 120 анонимных статей⁷. Не все атрибуции О. фон Шульца аргументированы, есть ошибочные гипотезы, но сохранился большой объем помет исследователя на страницах годовых комплектов журналов «Время» и «Эпоха», которые были предметом его анализа, предварявшего публикацию книги. Научное оформление его маргиналий превосходно, в высшей степени квалифицированно, и они в известной мере восполняют недостаток ряда аргументов исследователя.

Традиционные методики определения авторства не учитывают характера журналистской и редакторской работы писателя. Проблема атрибуции ставится и решается категорично: или Достоевский, или не-Достоевский, в сомнительных случаях — *dubia*.

Между тем заслуживают внимания иные факты.

Известны случаи, когда Ф. Достоевский ставил чужое имя вместо своего — *М. Достоевский*, *А. Порецкий*. Так подписаны редакционные объявления о подписке на журналы «Время» и «Эпоха».

⁷ Schoultz O. Ein Dostojewskij—Fund. Helsingfors, 1924.

Среди сотрудников журнала были компиляторы. Редакция пользовалась их услугами при подготовке статей. На основе компиляции написан обзор полемики в статье «Вопрос об университетах». Эта неоригинальная часть статьи до сих пор дает повод сомнениям скептиков в авторстве Достоевского. Все встает на свои места, если отделить зерна от плевел, если освободить авторское слово от иностранных цитат. Никто, кроме Достоевского, не мог включить эту статью в сюжет авторского цикла «Ряд статей о русской литературе».

Для первого номера «Времени» Д. Минаев принес стихотворный фельетон, который не отвечал ожиданиям редакции. Вместо Минаева фельетон написал Достоевский. В состав «Петербургских сновидений в стихах и прозе» включена и пародийная «ода» Минаева. От того, как рассматривать стихи Минаева, решается проблема авторства: если стихи — самостоятельный текст, Минаев — соавтор; если стихи — цитата, то автор фельетона — Достоевский. Верно последнее: в стихах Минаева нет оригинального содержания.

В начале сотрудничества, как признавался Страхов, он «слишком» отделял свои статьи, опаздывал, не успевал к сроку. Достоевский корил: «“Вы все стараетесь для “Полного собрания” своих сочинений!” — говорил онъ. “Да никогда не будетъ этого собрания!” отвѣчалъ я» (*Биографія*, 220). Сбылось по-Достоевскому: Страхов сохранил все написанное, ничего не пропало, в том числе недописанное и ненапечатанное; все было опубликовано им самим или его душеприказчиками.

Н. Страхов вспоминал: во время чтений Достоевский «никогда мнѣ не противорѣчилъ; я помню всего только одинъ споръ, который возникъ изъ за моей статьи» (*Биографія*, 224). Тем не менее Достоевский правил его статьи. Обычно Страхов соглашался с правкой, когда готовилась журнальная публикация, но он же отвергал эти поправки и вставки при поздних переизданиях своих статей.

Н. Страхов сообщил два случая.

Первый: «Въ моихъ статьяхъ иногда редакція приставляла къ имени автора, на котораго я нападалъ, какой-нибудь лестный эпитетъ, напр. *талантливый, даровитый*, или въ скобкахъ: (*впрочемъ, достойный уваженія*). Были и вставки; такъ въ статьѣ “Нечто о полемикѣ” было вставлено слѣдующее мѣсто: “Вольтеръ цѣлую жизнь свисталъ и не безъ толку и не безъ послѣдствій. (А ведь какъ сердились за него, и именно за свистъ)”. Эта похвала свисту вообще и Вольтеру въ частности нарушаетъ тонъ статьи и выражаетъ вовсе не мои вкусы. Но редакція не могла не вступиться за то, что имѣло силу въ тогдашнихъ нравахъ и на что признавала и за собою полное право. Вставка принадлежитъ Федору Михайловичу, и я уступилъ его довольно горячему настоянію» (*Биографія*, 235).

Второй — указание на то, что два последних абзаца в короткой заметке «Нечто о Шиллере» принадлежат Достоевскому⁸. Мы публикуем эту приписку в составе целого статьи, представляя Достоевского не как редактора, а как соавтора Страхова.

Возможно, рецензия на роман М. Авдеева была заказана Страхову, тот не справился с заданием, пришлось писать Достоевскому. То, что Страхов писал для «Времени», не пропало даром — позже он использовал наброски в своей критической статье «Теория благополучия» (1869), в которой шла речь как о новых, так и о старых произведениях Авдеева, в том числе и о романе «Подводный Камень». В начале рецензии «Времени» и статьи Страхова есть два совпавших слова («Авдеевъ принадлежит»; заметим, «имярек принадлежит» — типичный речевой оборот Достоевского) и общая мысль о подражательности произведений этого автора; далее еще одно совпадение — цитата из романа Авдеева. И все. Расхождения принципиальны: Страхов говорит о грубом подражании Авдеева конкретным авторам; Достоевский ведет речь о том, что «произведения г. Авдѣева всегда составляютъ подражаніе, если не какому-нибудь извѣстному роману, или извѣстной повѣсти, то вообще романамъ и повѣстямъ. Можетъ быть выраженіе покажется страннымъ, но мы именно хотимъ сказать, что напримѣръ Подводный Камень не есть романъ, а только подражаніе роману» (Θ. Д., IV, 597). Очевидна пронизательная тонкость последнего эстетического суждения, в котором обнаруживается не критик, но романист.

Мы подтверждаем предыдущие атрибуции этой рецензии Достоевскому, который был заинтересован в разборе романа М. Авдеева: он сам тогда писал о том же, но иначе. Вот его порицание: «Живые люди такъ не дѣйствуютъ; такъ могутъ дѣйствовать только фантомы, находящіеся въ полномъ распоряженіи автора, или люди совершенно не владѣющіе собою и слѣпо покорные какому-нибудь предразсудку. Всѣ дѣйствующія лица исповѣдуютъ независимость и свободу чувствъ, необходимость имъ покориться, но доходятъ въ этомъ ученіи до того, что ради принципа дѣйствуютъ совершенно вопреки всѣмъ своимъ чувствамъ. Нужно быть сочиненнымъ съ головы до ногъ, для того чтобы, какъ Соковлинъ, ѣхать предлагать свою жену другому. Какой смыслъ и какая нужда была въ этомъ? Зачѣмъ Соковлинъ такимъ нелѣпѣйшимъ образомъ мѣшается въ чужія дѣла? Развѣ не могла Наташа во имя свободы чувства сама оставить мужа и даже сама собраться въ дорогу?» (Θ. Д., IV, 599–600) и т. д. За критикой чужого стоит концепция своего романа: «Мы нисколько не намѣрены находить непозволительными дѣйствія Соковлиныхъ,

⁸ Страхов Н. Н. Критические статьи (1861–1894). Киев, 1902. Т. 2. С. 251.

Наташъ и Комлевыхъ; мы говоримъ только, что эти дѣйствія вытекаютъ изъ мелкаго источника, что они далеки отъ истинной глубины человѣческихъ чувствъ и что если мы желаемъ свободы чувства въ обществѣ, то вовсе не для того, чтобы чаще повторялись подобныя дѣйствія. Отъ свободы чувства мы ждемъ другого. Мы надѣемся, что чувства станутъ сильнѣе, чище, долговѣчнѣе. Свобода принадлежитъ чувствамъ вовсе не потому, что чувства измѣнчивы, капризны, безотчетны и неразумны; но потому, что они бываютъ глубоки, послѣдовательны, проникаютъ собою всю жизнь души и слѣдовательно, хотя безсознательно, но высоко-разумны» (Ө. Д., IV, 608).

Полемика с Авдеевымъ имела конкретный художественный эффект: она объясняетъ другой роман — роман самого Достоевскаго «Униженные и Оскорбленные».

Составляя июльскую книжку «Эпохи» (1864) и подсчитывая объемъ статей, Достоевскій сопровождалъ ихъ списокъ пометой, которая раскрываетъ, какимъ образомъ редакторъ восполнялъ недостатокъ статей въ техъ разделахъ, которые вели постоянные сотрудники: «(Я подпишу)»⁹. В зависимости отъ потребностей текущаго номера Достоевскій всегда былъ готовъ поддержать журналъ въ любомъ жанрѣ.

Такъ, въ первомъ номерѣ «Времени» у автора «Внутреннихъ новостей» А. Порецкаго соавторомъ былъ Достоевскій, который объяснилъ читателямъ принципиальное значение этого раздела для журнала.

А вотъ другая история начала декабря 1864 года.

Достоевскій обращается къ А. Порецкому: «Любезнѣйшій и многоуважаемый Александръ Устиновичъ, Ради Бога, умоляю Васъ, присядьте поскорѣе за *Внутреннее обозрѣнiе*. Филиповъ написалъ ужасную дичь. Надобно спѣшить Александръ Устиновичъ, а потому, если на то пошло, надѣлайте хоть побольше выписокъ (не сплошь конечно), но только чтобъ вышло побольше Обозрѣнiе. Хорошо бы тоже связать все какой-нибудь общей мыслью, общимъ взглядомъ. Главное — надо какъ можно скорѣе» (ср.: Д., XXVIII. Кн. 2, 105–106). Достоевскій советуетъ, какъ лучше выйти изъ затруднительнаго положенiя: «Филиповская работа Вамъ мало пособить. Изъ нея очень мало можно взять. Впрочемъ завтра (особенно еслибъ заѣхали утромъ ко мнѣ или въ редакцiю) я Вамъ передамъ Филипова работу съ нѣкоторыми необходимыми объясненiями. Но не дожидаясь ея присядьте сейчасъ» (ср.: Д., XXVIII. Кн. 2, 106). В данной ситуации нельзя было использовать представленную статью, хотя чаще бывало иначе: редакция перерабатывала забракованный текстъ самымъ простымъ и эффективнымъ образомъ, не теряя время на редактирование: статья переписывалась заново такъ, какъ хотѣлъ редакторъ.

⁹ Ср.: Неизданный Достоевскій // Литературное наследство. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. Т. 83. С. 180.

Такой была обычная практика редакторской работы.

Переводчики «Магдалины» Геббеля явно не справились с предисловием. Достоевский переписал их текст: предисловие написано в том же стилистическом ключе, что и другие предисловия в первом томе (о Казанове и Э. По); так же взвешенно оценены достоинства и недостатки немецкой драмы.

Фельетон «Разные разности» давно приписывается Достоевскому. Противники этой атрибуции возражают, обычно ссылаясь на гонорарную книгу, в которой значится, что некто (неизвестно кто) расписался в получении денег за фельетон (41 руб. 34 коп.). Чтобы отвести авторство Достоевского, предлагают совершенно бездоказательные атрибуции, приписывая статью то А. Разину, то А. Григорьеву. Судя по всему, во второй книжке «Времени» повторилась история со стихотворным фельетоном Д. Минаева. В фельетоне «Разные разности» тоже есть чьи-то пародийные «стишки», которые обзорева-ли новости журнальной жизни: смерть лжепророка Ивана Яковлевича Корейши, очередные пророчества шотландского пастора Кеммина о конце света, скандал на харьковском маскараде и скандал в русском обществе по поводу розог. Очевидно, безымянный фельетонист не справился с задачей жанра, и Достоевскому пришлось писать прозаическую часть фельетона. Произошло это до банальности просто. Редакция купила заказанный фельетон — Достоевский его переписал, включив чужие стихи.

Так редакция поступала со многими заказными статьями, компиляциями, обзорами, рецензиями — покупала и распоряжалась по собственному усмотрению.

И здесь важно определить степень оригинальности новых текстов, установить, когда «чужое» становилось «своим».

Рассказ о том, как Достоевский научил писать Д. Григоровича, вошел во все учебники по стилистике. Об этом поведал сам ученик: «У меня было написано так: когда шарманка перестает играть, чиновник из окна бросает пятак, который падает к ногам шарманщика. “Не то, не то, — раздраженно заговорил вдруг Достоевский, — совсем не то! У тебя выходит слишком сухо: пятак упал к ногам... Надо было сказать: пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая...” Замечание это, — помню очень хорошо, — было для меня целым откровением»¹⁰. Конечно, нет и речи о том, чтобы приписать эту и подобные фразы Достоевскому, но стоит ли удивляться, что идеи, образы, «слова и словечки» Достоевского встречаются в статьях разных авторов: редактор учил не только Д. Григоровича, но и Н. Страхова, П. Бибикова, К. Сунгурова и многих других.

¹⁰ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 84–85.

Достоевский не только учил, но и правил авторов. В этом он признавался обиженному читателю — актеру и писателю Ф. Бурдину: «...ни одной статьи, изъ тѣхъ которыя я разсматриваю, я не пропускаю безъ моей редакціи и ни зачѣто на свѣтъ не пропушу личность, клевету, интригу. Если-же я пропускалъ неодобрительные отзывы о Вашемъ талантѣ, то единственно потому, что съ этими отзывами я былъ самъ согласенъ» (ср.: Д., XXVIII. Кн. 2, 104).

Один из основных сотрудников «Эпохи» Д. Аверкиев свидетельствовал: «Нѣкоторые изъ тамошнихъ статей, обозначенныхъ моимъ именемъ, были написаны при ближайшемъ сотрудничествѣ Достоевскаго»¹¹. Действительно, Достоевский собирался, но не написал критику на историка Костомарова. Такую статью «Господин Костомаров разбивает народные кумиры» написал Аверкиев, и это его статья.

Во время редактирования «Гражданина» Достоевский признался: «Литературныя сценки Генслера (въ сегодняшнемъ №) я почти вновь пересочинилъ» (ср.: Д., XXIX. Кн. 1, 262). Достоевский отредактировал чужой текст, это была стилистическая правка, в которой проявился талант редактора, но не творческий дар писателя. Чужой текст остался чужим, и нет повода ставить вопрос о соавторстве или иных формах творческого участия Достоевского в «Литературных сценках Генслера». Аналогичный случай — правка статьи кн. Мещерского «Свежей памяти Федора Тютчева».

В этом томе мы предлагаем новые атрибуции и новые решения старых проблем: впервые указаны соавторство Достоевского в «Предисловии переводчика» к драме Геббеля «Магдалина» и соавторство М. Достоевского в «Объявлении о подписке на журнал "Время"»; в соавторстве с Достоевским опубликована заметка Н. Страхова «Нечто о Шиллере»; появился соавтор и у переводчика «Процесса Ласенера» Р. Штрэндмана; Достоевскому принадлежат начало и общая редакция написанных А. Порецким «Внутренних новостей»; подтверждена принадлежность Достоевскому рецензии на «Подводный Камень» М. Авдеева, статей «Письмо постороннего критика» и «Гаваньские чиновники в домашнем быту», фельетона «Разные разности». Кстати, эти четыре последние статьи не отмечены именными выплатами в гонорарной книге «Времени».

С поразительной последовательностью, невозможной без сознательной установки автора, в этих статьях и фельетонах проведены и виртуозно развиты программные идеи «Объявления об издании журнала "Время"».

Кому это было под силу? Этого мог достичь только тот, кто сам писал «Объявление».

¹¹ Аверкиев Д. Дневник писателя. Вып. 1–12. СПб., 1885. С. 3.

Так, в «Письме постороннего критика в редакцию нашего журнала. По поводу книг г. Панаева и "Нового Поэта"» Достоевский предстает в литературной маске наивного и вместе с тем пронизательно-го читателя журналов, который возобновляет давно забытый жанр журнального обозрения. Вспоминая характеристику современной литературы как «литературы скандалов», Достоевский дает критику критики и защищает литературу от неуместных нападок, заявляя, что «скандалы, по моему мнѣнію, не въ стихахъ и не въ фельетонахъ», «ужь скорѣе скандалы въ статьяхъ серьезныхъ и въ журналахъ важныхъ. По крайней мѣрѣ тамъ они и серьезнѣе и важнѣе» (Ө. Д., IV, 629).

В подзаголовке повод письма Постороннего Критика заявлен в связи с книгами Панаева и Нового Поэта. В фельетонном ключе автор вспомнил повод, когда статья была дописана. Посторонний Критик из сельца Синие Горки вступился не только за литературу, но и за литературные воспоминания Панаева. Повод статьи из подзаголовка перешел в *Post Scriptum*: игра — стихия жанра.

Критика критики и тема «литературы скандалов» продолжена в статье «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная Гавань во всякое время дня и года». Достоевский следует обещанию, данному в «Объявлении»: «Не только всякая замѣчательная книга, но и всякая замѣчательная литературная статья, появившаяся въ другихъ журналахъ, будетъ непремѣнно разобрана въ нашемъ журналѣ» (Ө. Д., IV, 12). Повод благородный, но в фельетонной игре собственно разбору сочинения Ивана Генслера отводится треть статьи (в которой половину занимают две пространные цитаты), а две трети посвящены развитию идеи «Времени» как независимого литературного органа. В критике журнальной рутины неизбежно встал вопрос об искренности журналистики. Достоевский ждет от критики ответственности перед литературой и писателем, учит пронизательному суждению о литературных явлениях. Одно замечание обращено как будто нам, современным комментаторам: «Читали ли вы когда-нибудь, читатель, комментаріи на Шекспира или на вторую часть Гёте-ва Фауста? Если читали, то вамъ вѣроятно приходила въ голову, точно также какъ и пишущему это, такая мысль, что Шекспиру и Гёте конечно и не снились никогда тѣ красоты и намѣренія, которыми такъ щедро одѣляютъ ихъ комментаторы» (Ө. Д., IV, 634). Постараемся избежать подобных басен.

Мудр *художественный* совет, который дает автору не критик, а романист:

«У г. Генслера талантъ несомнѣнный, юмору много. Еслибъ этотъ талантъ и этотъ юморъ да обратить, вмѣсто всѣхъ гаваньскихъ чиновниковъ, на одно гаванское семейство и описать всѣ радости и всѣ

страдания этого семейства, да заставить его действовать, произвести, создать в нем маленькую или большую драму, — то при таком таланте и таком юморе вышла бы прелестная повесть, а может быть и прелестный роман.

А может быть и ничего бы не вышло...

Потому что кроме юмора и таланта нужно еще обладать творчеством.

А есть ли творчество у автора «Гаванских Чиновников»? — про то скажут нам его будущия писанья» (Θ. Д., IV, 643).

И в этой критике, как в зеркале, проступают знакомые черты гениального романиста и автора «Объявления».

У самого Достоевского из описания радостей и страданий двух семейств получился свой роман «Униженные и Оскорбленные».

Роман открыл первый номер журнала. Он был «гвоздем сезона» не только «Времени», но и литературного 1861 года. Его публикация определяла направление и внесла свой вклад в успех журнала.

В «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» фельетонист сказал слова, созвучные началу романа: «Я думаю так: еслиб я был не случайным фельетонистом, а присяжным, всегдашним, мне кажется я бы пожелал обратиться в Эжению-Сю, чтоб описывать петербургскія тайны. Я страшный охотник до тайн. Я фантазер, я мистик, и, признаюсь вам, Петербург, не знаю почему, для меня всегда казался какою-то тайною» (Θ. Д., IV, 23).

Начало романа во многом традиционно для «петербургской литературы»: завязка интриги — заурядный наем квартиры, в блужданиях по улицам герой обретает «фантастическое настроение духа». Герой отрицает: «Я не мистик; в предчувствия и гадания почти не верю; однако со мною, как может быть и со всеми, случилось в жизни несколько происшествий, довольно необъяснимых. Например, хоть этот старик...» (Θ. Д., IV, 48). В его ощущениях действительность преобразается, пошлость граничит почти с фантастическим: нищий старик и собака как будто сошли со «страницы Гофмана, иллюстрированного Гаварни», и в собаке «должно быть что-то фантастическое, заколдованное; что это, может быть, какой-нибудь Мефистофель в собачьем виде» (Θ. Д., IV, 49–50). Но старик умер, не пережила хозяйина и собака. Осталась тайна.

Достоевский знал, что любит читатель. Он писал «фельетонный роман», который должен быть занимательным и злободневным; в сюжете была обязательна тайна, на ней держался повествовательный интерес, его роман открывал «петербургские тайны» — семейные тайны обитателей позлащенных палат и убогих углов, капитальных домов и сырых подвалов.

Роман Достоевского подчеркнуто литературен. Его текст соткан из реминисценций, аллюзий, цитат, эстетических переживаний от прочитанного. В свое время М. Альтман заметил, что сцена ухода Наташи из родительского дома напоминает аналогичную сцену из пушкинского «Станционного смотрителя»¹². Когда Дуняша собралась в воскресенье к обедне, отъезжающий гусар предложил довести ее до церкви: «Дуня стояла в недоумении... "Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви". Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали» (П., VI, 93).

Достоевский по-своему переписал эту выразительную и лаконичную сцену. Он создает напряженную, исполненную внутренним психологическим драматизмом сцену:

«Раздался густой звук колокола, призывавшаго къ вечерни. Она вздрогнула; старушка перекрестилась.

— Ты къ вечерни собиралась Наташа, а вотъ ужъ и благовѣстять, сказала она. — Сходи Наташенька, сходи, помолись, благо близко! Да и прошлась бы за одно. Что взаперти-то сидѣть? Смотри, какая ты блѣдная; ровно сглазили.

— Я... можетъ быть... не пойду сегодня, проговорила Наташа медленно и тихо, почти шопотомъ. — Я... нездорова, прибавила она и поблѣднѣла какъ полотно.

— Лучше бы пойти, Наташа; вѣдь ты же хотѣла давеча и шляпку вотъ принесла. Помолись, Наташенька, помолись, чтобъ тебѣ Богъ здоровья послалъ, уговаривала Анна Андреевна, робко смотря на дочь, какъ-будто боялась ея.

— Ну, да; сходи; а къ тому жъ и пройдешься, прибавилъ старикъ, тоже съ безпокойствомъ всматриваясь въ лицо дочери: — мать правду говорить. Вотъ Ваня тебя и проводить.

Мнѣ показалось что горькая усмѣшка промелькнула на губахъ Наташи. Она подошла къ фортепiano, взяла шляпку и надѣла ее; руки ея дрожали. Всѣ движенія ея были какъ-будто безсознательны, — точно она не понимала, что дѣлала. Отецъ и мать пристально въ нее всматривались.

— Прощайте! чуть слышно проговорила она» (Ф. Д., IV, 80).

Взяв эпизод пушкинской повести за образец, Достоевский пытается довести свою сцену до художественного совершенства. Достоевский — весь в подобных выразительных эстетических подробностях.

В романе намеренно собраны темы, уже освоенные Достоевским: в «униженных и оскорбленных» (Ихменевы, Смит, его дочь и Нелли) узнаются «бедные люди» (Варенька Доброселова, Горшковы,

¹² Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. Саратов, 1975. С. 23–32

Покровские — отец и сын), похожи в своих социальных ролях помещик Быков и князь Валковский, «роман» Наташи и Ивана Петровича напоминает былую романическую историю Настеньки и мечтателя («Белые ночи»), история Нелли — детство Неточки Незвановой, инфантильный характер Катерины Федоровны — характер княжны Кати («Неточка Незванова»), да и сам повествователь и один из героев романа Иван Петрович — alter ego автора романа.

Создавая образ «неудавшегося литератора», Достоевский жил воспоминаниями о своей литературной юности. Его Иван Петрович знаком с критиком Б. (читатель догадывается: с Белинским), зависит от антрепренера, в котором угадывается издатель «Отечественных Записок» А. Краевский. Обстоятельства публикации первого романа Ивана Петровича напоминают ситуацию литературного дебюта самого Достоевского. Это его когда-то называли «гением», это он написал трогательную историю о «незатейливом герое», это его сердце разрывается от любви и сострадания к «бедным людям» и «униженным и оскорбленным».

Он пишет о простых людях, простые люди читают его роман, обсуждают его героев, вместе с автором «записок» декламируют стихи, живут литературой, в слове сознают свою жизнь, которая становится им «понятной и памятной». Он честен, сострадателен, безупречен, положителен и даже идеален. Он — доблестный рыцарь сороковых годов и обреченный герой прежнего времени.

В литературной судьбе Ивана Петровича неотвратимо сошлись жизнь, творчество, любовь, Россия — ее прошлое и настоящее.

Роман создан по всем канонам жанра.

Нет правил без исключения — бывают романы и «не о любви». У Достоевского «все движется любовью». Как пронзительно заметил в свое время аббат Юэ, «то, что мы называем романами, — это вымышленные любовные истории, искусно написанные прозой для удовольствия и назидания читателей»¹³.

Любовь — животворящая стихия романа, его главная тема. Осложнения и перипетии в сюжете проистекают от странностей любви. Все перепуталось, смешалось в судьбах героев: Иван Петрович любит Наташу, Наташа любит Алешу, Алеша отдает предпочтение Кате. Словом, рассказана знакомая история неразделенной любви, но Достоевский придал банальной теме оригинальное развитие.

Традиционна трагическая или комическая трактовка темы. В начале фабула предвосхищает трагедию: в романе есть злодей, который мог бы привести сюжет к трагическому исходу.

¹³ Юэ П.-Д. Тракта́т о возникновении романов // Литературные манифе-

Еще недавно героем русской литературы был невольный злодей. Князь Валковский — циничный злодей. Его злая воля — источник бед «униженных и оскорбленных». Он разорил Смита, обманул, опозорил, ограбил и бросил его дочь — свою жену; он разорил и оскорбил Ихменева, расстроил «роман» Наташи и Алеши — во всем добился своего. Но он не рядится в романтические одежды.

В пьяной исповеди Ивану Петровичу князь Валковский предстал последышем развратных французских романов XVIII века, но так на первый взгляд; на деле он — предтеча поздних типов Достоевского: подпольного парадоксалиста, Свидригайлова и Ставрогина.

Валковский — герой нового времени. Он аристократ, но у него нет ни чести, ни состояния. Он — «голяк»-потомокъ отрасли старинной», если вспомнить цитируемые в романе стихи Некрасова (Θ. Д., IV, 63). Он атеист и антихристианин, его демон — деньги. У него низкие цели, и торжество его ничтожно. Ради денег он готов на все. Его кредо — антихристианский эгоизм: люби самого себя. Следуя этому этическому принципу, Валковский разрушает семьи, губит тех, кого предает, разоряет и бросает на произвол судьбы. Он губит своих потомков. Смерть Нелли — цена корысти Валковского.

Судьба Нелли трагична. Дочь князя, она не прощает отца даже в Светлое воскресенье, когда «Христось воскресъ, всѣ целуются и обнимаются, всѣ мирятся, всѣ вины прощаются...» (Θ. Д., IV, 327).

Непрощение — давний духовный недуг семьи. Старик Смит не простил дочь. Нелли не прощает своего отца, князя Валковского, и это сознается ею нехристианским поступком. Ранее она спрашивала деда, когда тот учил ее Закону Божию: «...отчего же Иисусъ Христось сказалъ: любите другъ друга и прощайте обиды, а онъ не хочетъ простить мамашу?» — дед прогнал Нелли (Θ. Д., IV, 369). Когда позже мать посылает дочь к старику «въ свой предсмертный часъ, чтобъ онъ пришелъ къ ней простить ее», тот не пришел (Θ. Д., IV, 357–358).

Трагический пример семьи Смитов примиряет Ихменевых. Нелли умирает непримиренная. Перед смертью она говорит Ивану Петровичу об отце: «И когда ты прочтешь, что въ ней (в ладанке. — В. З.) написано, то поди къ *нему* и скажи, что я умерла, а *его* не простила. Скажи ему тоже, что я Евангеліе недавно читала. Тамъ сказано: прощайте всѣмъ врагамъ своимъ. Ну такъ я это читала, а *его* все-таки не простила, потому что, когда мамаша умирала и еще могла говорить, то послѣднее, что она сказала было: *проклиная его*, ну такъ и я *его* проклиная, не за себя, а за мамашу проклиная... Расскажи же ему, какъ умирала мамаша, какъ я осталась одна у Бубновой; Расскажи, какъ ты видѣлъ меня у Бубновой, все, все Расскажи

и скажи тутъ же, что я лучше хотѣла быть у Бубновой, а къ нему не пошла...» (Θ. Д., IV, 403).

Непрощение губит, прощение примиряет и спасает. В торжестве этой христианской истины легко убѣдиться читателю романа.

В таком исходе страстей и чувств иначе выглядит судьба Наташи. Ради любви она оставила отчий дом, вынесла позор «блудной дочери» и проклятие отца, преследования и интриги князя, измену Алеши, но позор и страдания очистили ее душу. Пережив любовную драму, она не утрачивает саму любовь. Страдание преобразует чувства. Любовь возвышает душу. Счастье не в том, что тебя любят, но в том, что любишь ты сам. Этот дар любви открыт Наташе и Ивану Петровичу. Их любовь больше, чем эротическая любовь. Это та любовь, которую заповедал Христос.

В романе не случайна христианская тема. Она обозначена в датах христианского календаря (кульминация событий приурочена к Пасхе), в присутствии Евангелия в тексте романа, в имени Христа, в идеале и идеях героев.

Достоевский писал роман одновременно с «Записками из Мертвого Дома». Создание этих произведений стало важной вехой в развитии «реализма в высшем смысле», христианского реализма писателя (ср.: Θ. Д., III, 735–736, 764–765).

В «Униженных и Оскорбленных» эта идея творчества выражена в «презренном» жанре «фельетонного романа».

В июньском письме 1861 года А. Григорьев винил редактора и издателя М. Достоевского: «...нужно было <...> не загонять какъ почтовую лошадь высокое дарованіе Θ. Достоевскаго, а холить, беречь его и удерживать отъ фельетонной дѣятельности, которая его окончательно погубить и литературно и физически...» (Э. 1864. № 9. С. 8–9). В ответ на эти упреки Достоевский защищал брата: «Если я написалъ фельетонный романъ (въ чемъ сознаюсь совершенно), то виновать въ этомъ я и одинъ только я. <...> Совершенно сознаюсь что въ моемъ романѣ выставлено много куколъ, а не людей, что въ немъ ходячія книжки, а не лица, принявшія художественную форму (на что требовалось дѣйствительно время и *выноска* идей въ умъ и въ душѣ). Въ то время какъ я писалъ, я разумѣется, въ жару работы, этого не создавалъ, а только развѣ предчувствовалъ. Но вотъ что я зналъ навѣрно, начиная тогда писать: 1) что хоть романъ и не удастся, но въ немъ будетъ поэзія, 2) что будетъ два-три мѣста горячихъ и сильныхъ, 3) что два наиболѣе серьезныхъ характера будутъ изображены совершенно вѣрно и *даже* художественно. Этой увѣренности было съ меня довольно. Вышло произведение дикое,

но въ немъ есть съ полсотни страницъ, которыми я горжусь. Произведение это обратило впрочемъ на себя нѣкоторое вниманіе публики» (Э. 1864. № 9. С. 51–52). Последнее замечание справедливо: роман был одним из самых востребованных читателями Достоевского.

Вот отзыв Л. Толстого в его отклике на смерть Достоевского: «И вдруг читаю — умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я потерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу. На днях, до его смерти, я прочел “Униженные и Оскорбленные” и умилялся» (Л. Т., XVIII, 879). Такая высокая оценка «неудачного» романа другим гением дорогого стоит.

Между тем соратники не понимали фельетонных пристрастий писателя. Н. Страхов вспоминал уже после смерти Достоевского: «Что касается до пристрастія къ фельетонной манерѣ журналовъ, то оно никогда вполне у него не исчезало. Самъ онъ иногда даже насилывалъ себя, стараясь быть борзописцемъ и фельетонистомъ ради принесенія общей пользы. Съ годами писаніе его становилось, однако, все строже и строже, да и прежде въ его фельетонныхъ писаніяхъ встрѣчалось не мало страницъ, явно показывавшихъ художественную силу и строгіе приемы, далеко превышающіе задачи фельетона» (Биографія, 220–221). То, что строгим критикам казалось чуждым и лишним, составляло оригинальную сущность писательского и журналистского дарования Достоевского.

Полгода Достоевский пытался поставить жанр фельетона в журнале, руководил и наставлял фельетонистов. В двух первых номерах с его требованиями не справились заказные рифмоплеты: ни Д. Минаев, ни безымянный автор стихов в фельетоне «Разные разности». Писать фельетонную прозу пришлось Достоевскому. В третьем номере исчезла и рубрика «Фельетон»: вместо нее появилась «Полемиическая смесь» со статьями в защиту «Египетских ночей» Пушкина и госпожи Толмачевой. Ненадолго проблема жанра разрешилась, когда фельетонистом стал поэт П. Кусков. В четвертом номере был опубликован его фельетон «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов», но уже в пятом номере снова вернулась «Смесь» и появилась полемическая статья «Вместо фельетона». Рубрика «Фельетон» исчезла навсегда, чтобы позже жанр воскрес в «Дневнике писателя». «Время» не смогло найти другого фельетониста, кроме самого Достоевского, и гений увлеченно писал, составлял и редактировал статьи, писал заметки и предисловия, разыгрывал полемические диалоги и сцены из литературной жизни. Его присутствием исполнены выходившие один за другим номера «Времени», а позже «Эпохи».

Гений хотел быть фельетонистом.